**КРАСНОПОЛЬСКИЙ
Борис
Хананович**

Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**KRASNOPOLSKI
Boris
Khananovich**

Doctor in economics,
professor, chief researcher

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

boriskrasno@gmail.com

УДК 316 + 330 + 001

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА СЕВЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА:
«ТУЗЕМНАЯ НАУКА»?**

Целью данного отклика на статью Н.В. Наумова, опубликованной в одном из предыдущих номеров журнала «Регионалистика», является, прежде всего, желание помочь магистранту Тихоокеанского государственного университета как молодому начинающему научному сотруднику требовательней подходить к выбору объекта и предмета исследования, его репрезентативной базе, использованию специальной терминологии, выводам из проведённого исследования и их трактовке. Автор отклика не является специалистом в области библиометрики, но его 50-летний опыт в области исследований по проблемам российского и мирового Севера и Арктики, его работа в различных научно-образовательных организациях и в нашей стране (в том числе на Севере Дальнего Востока), и за рубежом даёт ему право на подобную реплику в адрес статьи Н.В. Наумова.

Север Дальнего Востока, экономические научные исследования, репрезентативность информационной базы, публикационная активность, «туземная наука»

**ECONOMIC RESEARCHES AT THE NORTH
OF THE FAR EAST: «INDIGENOUS SCIENCE»?**

The purpose of this review concerning the article of N.V. Naumov is, above all, a willingness to help for MA student of the Pacific State University as a young novice scientific researcher much better understand the object and subject of its research, its representative base, very carefully use special terminology, make the conclusions from the study and their interpretation. The author of this review is not a specialist in the area of bibliometrics, but his 50-year experience in the field of research of Russian and international problems of the North and the Arctic, his work in various scientific and educational organizations in our country (including North of the Far East), and abroad give the rights him for this review.

North of the Far East, economic researches, representativeness of the information base, publication activity, «indigenous science»

Текст в максимальной степени сохраняет авторскую редакцию представленного к публикации материала.

© Краснопольский Б.Х., 2018

Итак, не будем останавливаться на библиометрической части статьи Н.В. Наумова, на корректности методических приёмов анализа первичной информации, которые он использовал в своих исследованиях – это дело специалистов-библиометриков.

Остановимся на двух более важных с позиций темы и цели исследования проблемах: ПЕРВОЕ – на репрезентативности выборки первичной информации для анализа, то есть на «входе» исследования, и ВТОРОЕ – на сделанных выводах из проведённой работы, то есть на «выходе» из исследовательской работы.

ПЕРВОЕ

1. По поводу определения географических границ объекта исследования Н.В. Наумов делает следующую ссылку [1, с. 53]: «Здесь и далее под Севером российского Дальнего Востока понимается совокупность макроэкономических зон за пределами Южной зоны Дальневосточного макрорегиона... Он включает Чукотский автономный округ, Магаданскую область, Камчатский край и северную часть Хабаровского края».

Данная посылка совершенно некорректна. Если бы в дальнейшем Н.В. Наумов говорил только об этой «усечённой» территории Севера Дальнего Востока, то это можно было бы ещё как-то понять. Но он на этой же странице даёт следующее название первой рубрики в его статье: «Экономическая наука на Севере ДФО: общие контуры». То есть на самом деле речь идёт о Севере ДФО – Дальневосточного федерального округа, административной территории России, в который по всем известным правительственным классификациям входит и крупнейшая автономная республика страны Саха (Якутия) с мощным научно-образовательным потенциалом в лице институтов ЯНЦ СО РАН и СВФУ. Вообще, термин «ДФО» проходит через всю рассматриваемую работу. Здесь её автор явно демонстрирует, мягко выражаясь, не твёрдое знание географии.

Вывод: географическая классификация объекта исследования – северных территорий ДФО, и связанная с этим репрезентативность выборки информации для анализа по этим территориям некорректны.

2. Далее Н.В. Наумов приводит табл. 1 со списком попавших в его исследование научно-образовательных организаций [1, с. 53–54]. Из этой таблицы видно, что автор, как бы он не сослался на НЭБ и e-Library, плохо представляет себе реальное положение с научными организациями в исследуемом регионе. Даже при использовании «фильтра» с отсеиванием критериев по двум факторам – по публикационной активности в области «Экономика. Экономические науки» и по количеству таких публикаций не менее десяти, в эту выборку, например, не могли не попасть административно самостоятельное подразделение СВФУ в г. Анадырь, на базе которого только что была проведена крупная всероссийская конференция по социально-экономическому развитию Северо-Востока страны, а также Научно-исследовательский центр «Арктика» в г. Магадан в составе Северо-Восточного научного центра ДВО РАН, исследующий экологические и социально-экономические проблемы адаптации пришлого и коренного населения к условиям Севера и др. Уже не говоря о комплексе научно-образовательных подразделений в республике Саха (Якутия).

Вывод: репрезентативность выборки научно-образовательных организаций Севера ДФО, проведённой Н.В. Наумовым, вызывает серьёзные сомнения и не может быть признана адекватной реально существующей ситуации.

ВТОРОЕ

Н.В. Наумов поместил в конце своего исследования следующее заключение, которое процитируем полностью [1, с. 62]: «Результаты проведённого анализа позволяют сделать вполне обоснованное предположение, что в сфере экономических исследований на Дальнем Востоке имеет место пространственная концентрация в ядре, которое формируют научно-исследовательские организации Хабаровска и Владивостока, при крайне незначительных масштабах исследований в пределах северной периферии макрорегиона. В ходе исследования выявлено, что сети научных коммуникаций организаций Севера ДФО в значительной мере замыкаются в пределах или организаций, или города, в котором располагаются организации авторов научных статей, что соответствует признакам туземной науки».

1. По первому абзацу.

Данный вывод заключения очевиден и без всякого исследования. Для этого просто нужно обладать элементарными математическими способностями, чтобы подсчитать количество учреждений и их сотрудников экономического профиля в Хабаровске и Владивостоке и сравнить его с количеством учреждений или структурных подразделений этого профиля в северных городах макрорегиона.

2. По второму абзацу.

Вот что пишут М. Соколов и К. Титаев, считающиеся у нас родоначальниками использования термина «Туземная Наука» в своей работе «Провинциальная и туземная наука» [1]: «Главная особенность и ценность (как исследовательского объекта) туземной науки в том, что академическая коммуникация в ней предполагает постоянное вытеснение факта существования столичной науки. В тех её зонах, которые ближе к провинциальному полюсу, это вытеснение принимает эксплицитные формы и выглядит как работа по сознательному построению оппозиционной идентичности – выработке идеологии, отрицающей, что к происходящему в столице стоит прислушиваться. Ключевая задача этой части туземной науки – доказать её равенство с происходящим во всём остальном мире, а чаще – превосходство» (курсив мой. – Б.К.).

То есть сами родоначальники этого термина (кстати весьма спорного, который, если судить по публикациям, не признаёт подавляющее большинство специалистов в этой области) видели в нём совсем другой смысл, чем его весьма тривиально трактует в своей работе Н.В. Наумов. В его интерпритации этот термин означает УЩЕРБНОСТЬ, НИЗКУЮ НАУЧНОСТЬ, ПОТЕРЮ СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТИ, ЗАМКНУТОСТЬ сети исследований и публикационной активности в учреждениях, расположенных в отдалённых географических точках. Но здесь, вообще-то, нужно понимать, что их размещение в этих географических пунктах обычно вызвано требованиями в проведении комплексных междисциплинарных исследовательских работ, максимально приближенных к объекту исследования. И «замыкание» экономических подразделений на исследовании тесных коэволюционных связей результатов естественных и экономических наук в головном научном учреждении на примере конкретного объекта – это не недостаток их исследований, а их **ВЫСОКОНАУЧНОЕ ДОСТОИНСТВО!**

Общий вывод: Автор рассматриваемой статьи некорректно использует специальную терминологию в своем исследовании, которая касается весьма существенных заключительных положений, не понимает основных целей и задач в организации научных исследований на Дальнем Востоке, что в итоге искажает адекватное отображение реально происходящих процессов в исследуемом регионе и создаёт неверное представление об их сути.

В завершении этого отклика нужно сказать, что вообще-то не существует никакой «ТУЗЕМНОЙ НАУКИ», тем более в трактовке Н.В. Наумова, также как не существует науки, раз-

деляющейся по национальному, региональному, территориальному, расовому, гендерному или иному признаку. Есть только одна НАУКА, которая складывается из многотрудных исследований законов природы и общества многих и многих поколений учёных всего мира.

В наш XXI век, век всеобщего всевластования Интернета, исчезают практически все географические границы в человеческом общении, в контактах между учёными всего мира. Человек в какой-то мере становится гражданином мира. Учёный может участвовать в любой международной конференции, симпозиуме, конгрессе, стать виртуальным членом коллектива единомышленников в своей области исследований, конечно, если он к этому профессионально готов и у него есть необходимые финансовые средства для использования этой глобальной инфраструктуры. Сегодня абсолютно не имеет значение, в каком географическом месте находится исследователь. Сеть научных коммуникаций сейчас – весь мир. Личная «географическая привязка» учёного сегодня не важна. Она ещё имеет какое-то значение для естественных наук, которые концентрируются, например, в области теоретической физики вокруг современных синхрофазотронов и коллайдеров, или в других сферах, требующих высокого уровня инструментального обеспечения. Но в других, в том числе и в экономических исследованиях, большая концентрация учёных в одной географической точке становится далеко не обязательной.

Конкретный исследователь всегда был и останется наиважнейшим звеном, генератором идей в научной деятельности. Его географическое «погружение» в коллектив в какой-то мере может помочь в его работе, в основном в организационно-техническом, научно-прикладном и финансовом плане. Но на переднем фланге теоретической науки он всегда остаётся наедине с самим собой и с той ПРОБЛЕМОЙ, которая требует от него бесконечных усилий и исканий и полного подчинения его жизни исследовательским задачам. Сверх-публикационная активность только вредит ему, отвлекает от настоящей работы, и её оценка нужна не научным сотрудникам как таковым (они прекрасно знают «кто есть кто» в их области исследований), она нужна «менеджерам от науки» – таким «околонаучным бухгалтерам», о роли которых лучше умолчать. За рубежом эти «библиметрические» манипуляции со статьями учёных уже давно стали хорошим бизнесом для этих «менеджеров», приносящим огромные прибыли. То же самое сейчас «протаскивается» и в Россию.

«Ну и что»? – возникает вопрос после ознакомления с исследованием Н.В. Наумова. И без подобного исследования понятно, что в северных районах ДФО находятся в основном научные институты естественного и комплексного профиля, так как это диктуется необходимостью исследования мало изученной природно-экологической среды этих районов страны. Экономические подразделения в этих институтах обычно не имеют чёткой специализации в экономической науке. Они подчинены задачам исследований их головного института. Да, их публикационная активность в области теории экономической науки ниже, чем на юге. Зато она выше в других, смежных с «чистой» экономикой областях, в прикладных сферах. Да, специализированные экономические исследования на Дальнем Востоке в основном сосредоточены в его южных районах. Ну и что? Теперь нужно экстренно «насаждать» экономические институты на всей территории Дальневосточного Севера? Или упразднить экономические подразделения в комплексных институтах и университетах этого региона?

К сожалению, научный смысл этого исследования, его конечная цель остаются непонятными, тем более, если судить об этом по заключению работы.

А вот негативный моральный смысл этого исследования очевиден. Далеко не все учёные на Севере Дальнего Востока детально разбираются в такой, можно сказать, «неординарной» концепции и терминологии как «провинциальная и туземная наука». И воспримут они работу Н.В. Наумова как прямое оскорбление их чести и достоинства и результатов их научного труда.

Список литературы

1. Наумов Н.В. Территориальная организация экономических исследований на Севере Дальнего Востока России // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 2. С. 52–63. DOI: 10.14530/reg.2018.2.52
2. Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.

References

1. Naumov N. V. Territorial Organization of Economic Studies in the North of the Russian Far East. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 2. Pp. 52–63. DOI: 10.14530/reg.2018.2.52 (In Russian)
2. Sokolov M., Titaev K. «Provincial» and «Indigenous» Science in the Humanities and Social Sciences. *Antropologicheskiiy forum* [Forum for Anthropology and Culture]. 2013. No. 19. Pp. 239–275. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Краснопольский Б.Х. Экономические исследования на Севере Дальнего Востока: «туземная наука»? // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 78–82. DOI: [10.14530/reg.2018.4.78](https://doi.org/10.14530/reg.2018.4.78)

For citing:

Krasnopol'ski B. Kh. Economic Researches at the North of the Far East: «Indigenous Science»? *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 4. Pp. 78–82. DOI: [10.14530/reg.2018.4.78](https://doi.org/10.14530/reg.2018.4.78) (In Russian)